

3.1.4. Карибский кризис

Революционный режим во главе с Ф. Кастро, установленный в самом начале 1959 г. на Кубе, которую американцы считали своим «задним двором», не без основания опасался вооруженной интервенции со стороны своего могущественного северного соседа. Действуя по извечному принципу «враг моего врага – мой друг», Москва и Гавана быстро установили между собой тесные отношения.

Уже год спустя Ф. Кастро Рус принимал на Кубе А.И. Микояна, прилетевшего туда под предлогом открытия советской торгово-промышленной выставки. В результате их ночных разговоров было решено восстановить дипломатические отношения, порванные Батистой еще в 1952 г., и дать зеленый свет торгово-экономическим связям. Микоян был доволен. Он говорил сопровождавшим его лицам:

– Да это настоящая революция! Совсем как наша! Мне кажется, я вернулся в свою молодость {1233}.

Получив от него соответствующую информацию, Хрущев решил воспользоваться благоприятно сложившейся ситуацией, чтобы не дать зарубцеваться образовавшейся в Карибском море болевой для США точке, не упустить реального шанса отплатить американцам той же монетой, которой они пользовались с конца Второй мировой войны, держа СССР в окружении своих военно-воздушных и военно-морских баз {1234}.

«Остров свободы» стал получать обильную экономическую, а затем и военную помощь. Уже в мае 1960 г. состоялся визит в Москву брата кубинского лидера, министра революционных вооруженных сил Рауля Кастро, во время которого были достигнуты первые принципиальные договоренности о поставках оружия и направлении военных советников, прежде всего из числа испанцев-республиканцев {1235}.

В апреле 1961 г. американцы решили повторить с Кубой опыт семилетней давности, позволивший им, опираясь на наемников и нейтралитет армии, свергнуть левый режим Арбенса в Гватемале. Однако на сей раз их ждал позорный провал.

В ходе обсуждения кубинских дел на встрече с Хрущевым в Вене (начало июня 1961 г.) Кеннеди признал, эта операция была его ошибкой, совершенной в результате неверной информации, полученной им от ЦРУ {1236}. Но и в Гаване, и в Москве понимали, что США не оставят попыток так или иначе свергнуть неугодный им режим, ставший к тому же заразным примером для других стран Латинской Америки.

В начале мая 1962 г. послом СССР на Кубе был назначен А.А. Алексеев – сотрудник КГБ, который будучи советником нашего посольства в Гаване, сумел установить с Кастро доверительные отношения, и тот охотно общался с ним.

– Как, по вашему, прореагирует Фидель на предложение установить на Кубе ракеты? – поинтересовался у него Хрущев.

Этот вопрос поверг Алексеева в оцепенение: «С трудом преодолев замешательство, я все же высказал сомнение в том, что Фидель с таким предложением согласится». Ему на это возразил маршал Малиновский:

– В свое время республиканское правительство Испании открыто пошло на то, чтобы принять военную помощь Советского Союза, а у Кубы должно быть еще больше причин для этого.

Хрущев же продолжал развивать свою мысль:

– Если Фидель сочтет наше предложение неприемлемым, то мы окажем помощь Кубе любыми другими средствами, которые, впрочем, вряд ли остановят агрессоров. Я абсолютно уверен в том, что в отместку за поражение на Плайя-Хирон американцы предпримут вторжение на Кубу уже не с помощью наемников, а собственными силами: на этот счет у нас есть достоверные данные. Мы должны найти столь эффективное средство устрашения, которое удержало бы их от этого рискованного шага, ибо наших выступлений в ООН в защиту Кубы уже недостаточно. Надо в какой-то мере уравнивать угрозу Кубе угрозой самим Соединенным Штатам. Логика подсказывает, что таким средством может быть только размещение наших ракет с ядерными боеголовками на Кубе. Поскольку американцы уже окружили Советский

Союз кольцом своих военных баз и ракетных установок, мы должны заплатить им их же монетой, дать им попробовать собственное лекарство, чтобы они на себе почувствовали, каково живется под прицелом ядерного оружия {1237}.

Возвращаясь 20 мая из Болгарии, Хрущев впервые заговорил об этом и с министром иностранных дел Громыко:

– Ситуация, сложившаяся сейчас вокруг Кубы, является опасной. Для обороны ее необходимо разместить там некоторое количество наших ядерных ракет. Только это, по-моему, может спасти страну. Вашингтон не остановит прошлогодняя неудача вторжения на Плайя-Хирон. Что вы думаете на этот счет?

Вопрос был неожиданным и нелегким для Громыко. Подумав, он сказал:

– Я знаком с обстановкой в США, где провел восемь лет. В том числе был там, как вы знаете, и послом. Должен откровенно сказать, что завоз на Кубу наших ядерных ракет вызовет в Соединенных Штатах политический взрыв. В этом я абсолютно уверен, и это следует учитывать.

«Не скажу, что мое мнение понравилось Хрущеву, – вспоминал Громыко. – Ожидал я, что, выслушав такие слова, он может вспылить. Однако этого не случилось. Вместе с тем я ощутил определенно, что свою позицию он не собирается менять. Помолчали. А потом он вдруг сказал:

– Ядерная война нам не нужна, и мы воевать не собираемся. Сказал твердым тоном, и я почувствовал, что эта формулировка, как и первая, была обдуманной. Обратил я внимание на то, что высказал он ее не сразу вслед за первой. Но как только я ее услышал, то на сердце стало легче. Даже голос Хрущева мне показался помягче. Я молчал. К сказанному добавлять ничего не хотелось. А Хрущев после некоторого раздумья в заключение разговора сказал:

– Вопрос о завозе советских ракет на Кубу я поставлю в ближайшие дни на заседании Президиума ЦК КПСС.

Он это вскорости и сделал» {1238}.

Заседание Президиума ЦК КПСС, на котором по докладу Малиновского было решено разместить на Кубе советские ракеты, по некоторым сведениям, произошло 24 мая 1962 г. {1239} За исключением определенных предостережений и сомнений, высказанных Микояном и Громыко, никто не решался выступить тогда против {1240}.

Что побудило советское руководство на столь рискованный шаг? Считается, что главным побудительным мотивом было стремление предотвратить новое нападение на Кубу. Сам Хрущев в своих воспоминаниях изображал это, как, по сути, единственную причину предпринятого СССР шага. «Думаю, – признавался О.А. Трояновский, – что над Хрущевым постоянно довлело опасение, как бы США и их союзники не вынудили СССР и его друзей отступить в каком-нибудь пункте земного шара. Он не без оснований считал, что ответственность за это падет на него. Не раз он вспоминал слова, сказанные Сталиным незадолго до смерти: «Когда меня не будет, вас передуют, как котят». В последние годы это чувство обострилось под влиянием постоянных нападков Пекина, обвинявшего советского лидера в капитулянтстве перед империализмом. Поэтому его беспокойство за судьбу Кубы имело под собой серьезную почву» {1241}.

Но было и другое. Хрущев усмотрел возможность, разместив ракеты в непосредственной близости от США, скорректировать в пользу СССР соотношение сил в области ракетно-ядерного оружия, где большой перевес в то время был отнюдь не на его стороне. А поскольку обе сверхдержавы пребывали во власти психологии (а точнее, психоза) «холодной войны», это американское преимущество представлялось ему и его коллегам серьезной угрозой для безопасности Советского Союза, которую надо было каким-то образом уменьшить, нейтрализовать.

Чтобы получить «добро» от кубинцев, в Гавану была направлена специальная делегация (Ш. Рашидов, Алексеев и – под другой фамилией – главком ракетных войск маршал С.С. Бирюзов). Перед самым отлетом она была приглашена к Хрущеву на дачу в Горки. Там присутствовали члены Президиума ЦК КПСС, находившиеся тогда в Москве. «Хрущев повторил высказанные на прошлой встрече соображения и пожелал нам успеха. На этом совещании царил полный единодушие, и поэтому распространенная впоследствии западной прессой версия, будто в советском руководстве была оппозиция этим планам Хрущева, не

соответствует действительности»{1242}. Делегация вернулась 10 июня с согласием кубинцев.

По приглашению Министерства обороны СССР 2 июля 1962 г. в Москву прибыла кубинская военная делегация во главе с министром революционных вооруженных сил Раулем Кастро Рус{1243}. В условиях абсолютной секретности состоялись его переговоры с Хрущевым, Малиновским и Бирюзовым. «К работе над соглашением были привлечены еще лишь два или три генерала, причем даже перевод проекта документа на испанский язык пришлось делать нам с Раулем вдвоем, – вспоминал Алексеев. – Соглашение, которое должны были подписать Н.С. Хрущев и Ф. Кастро, было парафировано Р.Я. Малиновским и Р. Кастро. В нем было сказано, что сами ракеты и их обслуживание будут полностью находиться в ведении советского военного командования»{1244}.

Началась операция «Анадырь», подобной которой история советских вооруженных сил не знала. На Кубу морем предстояло в короткий срок переправить ракетную дивизию (в составе пяти полков с 36 ракетами Р-12 дальностью полета до 2500 километров и двух полков с 24 ракетами Р-14 дальностью полета 4500 километров), эти 60 ракет имели 60 боезарядов с суммарным тротиловым эквивалентом около 60 мегатонн, то есть в 240 раз больше, чем мощность той бомбы, что была сброшена на Хиросиму. Их должны были прикрывать две дивизии противовоздушной обороны (144 зенитно-ракетных установки), полк истребителей (Миг-21), полк вертолетов и четыре отдельных мотомеханизированных полка береговой обороны, которые по своей мощи скорее сходили за бригады (в каждом из них было по танковому батальону и ракетному дивизиону, имеющему на вооружении 2 установки «Луна», способные доставить тактический ядерный запас на дальность от 45 до 65 километров). Общая численность этой группировки насчитывала 40000 человек{1245}. Ее командующим назначили генерала армии И.А. Плиева.

До настоящего времени ведутся дискуссии, разумно ли было предпринимать столь масштабную военную операцию, не подкрепив ее международно-правовой базой в виде, скажем, предварительного заключения военного договора. Некоторые утверждают, что Микоян и Громыко робко пытались обратить внимание Хрущева на эту сторону дела, но верх взяло мнение военных о том, что в таком случае американцы не позволят осуществить операцию «Анадырь», сорвав ее на самом раннем этапе: они обладают всеми преимуществами стратегического характера, а у нас нет адекватных возможностей для контрходов.

Параллельно в Москве продолжали много говорить о мире и разоружении. 9 июля 1962 г. там открылся Всемирный конгресс за всеобщее разоружение. Прочтя накануне в «Правде» статью И.Г. Эренбурга, посвященную этому событию, и обратив в ней внимание на упоминание о скептиках, не верящих в такие мероприятия, А.Т. Твардовский констатировал, что конгресс представляется «чем-то ненужным, непродуктивным, пустопорожним» не одному только ему. «Давным-давно уже сработались и никому не нужны, и ничего не значат слова, тем более что, как сказал один из “завов” этого конгресса, предполагаются в ближайшее время наши новые испытания. От большого ума мы, вероятно, полагаем, что однако мы таким образом ничего не упустим – ни воздействия на общественное мнение мира, ни воздействия на соображение западных правителей. Одних уговорим, других предупредим – и все будет в порядке. Боже, милостив буди к нам, грешным»{1246}.

Выступления на конгрессе сводились, как правило, к протестам против наращивания американцами военной мощи. И уже два дня спустя, 11 июля Твардовский фиксирует в своей рабочей тетради, что конгресс, как и предполагалось, малоинтересен: «Даже на словах ничто не подвинулось, не обновилось, не посвежело, не исключая речи премьера». Последняя показалась ему произнесенной с малым учетом времени, места и обстановки. «Она произнесена, чтобы быть ей произнесенной, но отнюдь не дает каких-либо “кончиков”, за которые можно было бы ухватиться, то есть не предполагает реальных последствий. И это почти всем ясно»{1247}.

Своего рода дымовой завесой для операции «Анадырь» послужил групповой полет двух космических кораблей «Восток-3» и «Восток-4», пилотируемых Андрияном Николаевым и Павлом Поповичем 12-15 августа на расстоянии между ними в 6,5 километров и установлении двухсторонней связи. Помимо всего прочего этот полет преследовал цель внушить американцам мысль о якобы имевшей место способности советских космических аппаратов маневрировать на орбите и таким образом об отсутствии особой надобности в размещении

ракет с ядерными запасами на Кубе{1248}.

4 сентября американский президент Дж. Кеннеди сделал первое публичное предостережение:

– Соединенные Штаты не потерпят размещения на Кубе стратегических ракет типа «земля – земля» и других видов наступательного оружия.

А уже 7 сентября он запросил у Конгресса разрешения на мобилизацию 150 тысяч резервистов.

12 сентября опубликовано заявление ТАСС о провокациях США в отношении Кубы и призывом к американскому правительству «не терять самообладания и трезво оценить, к чему могут привести его действия, если оно развяжет войну». В нем можно было про честь и следующее: «Советскому Союзу не требуется перемещения в какую-либо другую страну, например в Кубу, имеющихся у него средств для отражения агрессии, для ответного удара. Наши ядерные средства являются настолько мощными по своей взрывной силе, и Советский Союз располагает настолько мощными ракетносителями для этих зарядов, что нет нужды искать место для их размещения где-то за пределами СССР». В заявлении подчеркивалось, что «сейчас нельзя напасть на Кубу и рассчитывать, что это нападение будет безнаказанным для агрессора»{1249}.

То же самое говорилось и в личном послании Хрущева к Кеннеди. Глава советского правительства заверял его, что ракеты «земля – земля» ни при каких обстоятельствах не будут отправлены на Кубу. Как выяснилось позднее, все это не соответствовало истине.

12 сентября 1962 г. секретарь МК КПСС Н.Г. Егорычев информировал ЦК об откликах трудящихся столицы на заявление ТАСС. Более 2500 человек собрал митинг, проведенный на 1-м часовом заводе, около 800 – на шелкоткацком комбинате «Красная Роза». Коллектив Московского пищевого комбината решил выполнить заказ для Кубы на две недели раньше срока. Солистка Большого театра, народная артистка РСФСР И. Архипова заявила:

– Гневом наполнилось мое сердце. Мы, артисты, – люди мирного труда, нам чужда и ненавистна война. Вот почему мы особенно возмущены провокациями США. Мы целиком присоединяемся к предупреждению советского правительства внять голосу разума и предотвратить войну, последствия которой могут принести человечеству огромные бедствия{1250}.

Такого же рода реакцию отмечал Егорычев и два дня спустя, указывая, что «в подавляющем большинстве высказываний выражается уверенность, что советское правительство не допустит развязывания новой войны». Вместе с тем он вынужден был признать, что «отдельные рабочие и служащие выражают сомнение в целесообразности опубликования заявления ТАСС, говорят о том, что резкий тон заявления может вызвать обострение международной обстановки». Такое мнение высказывали, например, в индивидуальных беседах работники Института аэроклиматологии, НИИ радиотехники и электроники, НИИ медицинских инструментов. «Имеются отдельные высказывания и о том, что Советскому Союзу не следует становиться на защиту Кубы, т.к. может начаться война и в таком случае население СССР будет страдать за интересы других стран»{1251}.

– Скоро разразится буря, – сказал в конце сентября Хрущев своему помощнику Трояновскому, знакомясь с очередной информацией от военных.

– Как бы лодка не перевернулась, Никита Сергеевич, – заметил тот. Хрущев немного задумался, а потом вымолвил:

– Теперь уже поздно что-нибудь менять.

«У меня тогда сложилось впечатление, что к тому времени он осознал всю рискованность затеянной операции. Но думать об ее отмене действительно было уже поздно»{1252}.

4 октября 1962 г. в Нью-Йорке, где проходила XVIII сессия Генеральной ассамблеи ООН, состоялась встреча представителей от социалистических стран. СССР на ней представлял министр иностранных дел А.А. Громыко, а Кубу – президент О. Дортикос Торрадо{1253}.

Отправляя в начале октября на Кубу генерала А.И. Грибкова с группой ответственных работников Министерства обороны, маршал Р.Я. Малиновский так напутствовал его:

– Ваша главная задача – контроль за готовностью ракетных войск к боевому применению. Вы хорошо понимаете, что ракеты мы завозим на Кубу лишь с целью сдержать возможную

агрессию со стороны Соединенных Штатов и их союзников. Атомную войну мы развязывать не собираемся. Это не в наших интересах. Запомните и передайте товарищу Плиеву, что те указания, которые он получал лично от Никиты Сергеевича об использовании ракет Р-12, Р-14, должны строго и точно выполняться: ракетную дивизию пускать в дело и, повторяю, только с личного разрешения верховного главнокомандующего, Никиты Сергеевича Хрущева. Тактические ракеты «Луна» применять исключительно в случае высадки десантов противника на Кубу. Плиеву разрешено лично принять решение на применение ядерных средств «Луна». Но прежде он должен очень глубоко изучить обстановку и не допустить несанкционированных пусков. Особо обратите внимание на охрану позиционных районов ракетных частей, а также на их прикрытие с воздуха. Как только все ракетные части будут приведены в полную боевую готовность, доложите мне об этом лично. И только мне, никому больше.

Встав из-за стола, министр походил по кабинету и, остановившись перед Грибковым, добавил:

– О готовности ракетных войск донесете мне условной фразой, смысл которой будем знать только я и вы: «Директору. Уборка сахарного тростника идет успешно». И впредь вся переписка между группой войск и нами должна идти в адрес Директора. Это тоже передайте Плиеву {1254}.

Генерал Грибков вылетел на Кубу 14 октября 1962 г., но вынужден был вернуться из-за поломки одного из четырех двигателей Ту-114. Между тем именно в этот день пилот американского разведывательного самолета У-2 предоставил своему командованию множество фотографий территории Кубы. В частности района Сан-Кристобаль, где оборудовались позиции для ракет Р-12. На снимках можно было определить наличие специальных машин и другой военной техники, связанной с ракетным вооружением. 16 октября Кеннеди создал особый военно-политический штаб – Исполнительный комитет Совета национальной безопасности. 17 и 18 октября американская военная разведка получила новые снимки кубинской территории, по которым можно было судить о быстром продвижении работ и обустройстве стартовых позиций советских ракет там. Так американцы обнаружили, что у них под боком устанавливаются советские баллистические ракеты, способные долететь до Вашингтона и Нью-Йорка. И президент стал склоняться к мысли о нанесении массированного воздушного удара по ним. На этом настаивало большинство его советников и военные.

Беседуя с ним в этот день, советский министр иностранных дел Громыко, прибывший на очередную сессию Генеральной ассамблеи ООН, обратил его внимание на то, что политика американской администрации в отношении Кубы чревата опасными последствиями:

– В США раздаются призывы к прямой агрессии против этой страны. Такой путь может привести к тяжелым последствиям для всего человечества.

– Нынешний режим на Кубе не подходит США, и было бы лучше, если бы там существовало другое правительство, – признал Кеннеди.

– СССР, – ответил Громыко, – великая держава, и он не будет просто зрителем, когда возникнет угроза развязывания большой войны в связи ли с вопросом о Кубе или в связи с положением в каком-либо районе мира.

– У моей администрации нет планов нападения на Кубу, и Советский Союз может исходить из того, что никакой угрозы Кубе не существует, – заверил Кеннеди.

Но не отрицал, что кубинский вопрос стал действительно серьезным:

– Неизвестно, чем все это может закончиться.

И стал пространно рассуждать о размещаемом на Кубе советском «наступательном оружии». Слово «ракеты» он не употреблял. Громыко отвечал:

– Характер оружия зависит от цели, которая преследуется политикой. Ведь у Кубы нет никаких агрессивных планов в отношении США. О каком же «наступательном оружии» может идти речь? {1255}

Беседа изобиловала резкими поворотами, изломами. Президент нервничал, хотя внешне старался этого не показывать. Его поведение отражало противоречивое и взвинченное настроение в руководящих кругах США {1256}.

22 октября Дж. Кеннеди подписал директиву о введении морского карантина вокруг Кубы. Американский военно-морской флот получил приказ с 14 часов 24 октября

останавливать и подвергать досмотру все плывущие туда корабли, не пропуская те из них, на борту которых будет находиться оружие наступательного характера{1257}. Карантин осуществляли 180 американских военных кораблей. Во Флориде были развернуты 6 дивизий. Дополнительные войска перебрасывались на военную базу Гуантанамо. В состояние повышенной боевой готовности приводились американские войска во всем мире. В соответствии с полученными секретными приказами изменили свои курсы атомные подводные лодки с ракетами «Полярис» на борту.

В 19 часов того же дня по вашингтонскому времени (в Москве уже близилось утро 23 октября) Кеннеди обратился по радио и телевидению к нации, предупредив ее об опасности, которую представляют советские ракеты на Кубе. Объявив о предстоящем карантине этого островного государства, он сказал:

– Это лишь первый шаг. Пентагон получил приказ к проведению дальнейших мер.

Заявил он и о том, что будет рассматривать любой пуск ракеты с ядерной боеголовкой оттуда как удар Советского Союза, требующий немедленного возмездия со стороны Соединенных Штатов.

Эта 20-минутная речь повергла Америку и все западные страны в состояние нервного ожидания. И советских руководителей тоже. Они не предвидели столь внезапной и резкой реакции США, и у них не было запасного сценария на такой случай. Им важно было знать, являются ли все действия американцев блефом или же они действительно готовятся нанести удар по Кубе и по советским ракетным установкам там. Первое ознакомление собравшихся той ночью в Кремле членов и кандидатов в члены Президиума ЦК, а также секретарей ЦК и начальников силовых ведомств с содержанием выступления американского президента вызвало скорее облегчение, чем тревогу. Угроза морского карантина была воспринята как что-то неопределенное. Во всяком случае, речь как будто не шла о прямой угрозе удара по Кубе.

– Ну что ж, видимо, можно считать, что мы спасли Кубу! – воскликнул даже Хрущев{1258}.

Как выяснилось вскоре, вывод этот был сделан преждевременно. Определенную напряженность уже внесло известие, что министр обороны США Р. Макнамара заявил, что американские вооруженные силы не остановятся перед потоплением судов, которые на подходе к Кубе откажутся подвергаться досмотру{1259}.

На том же заседании Президиума ЦК КПСС Хрущев сформулировал основные положения ответа на выступление Кеннеди. Оно должно было принять форму заявления советского правительства. МИД в лице заместителя министра В.В. Кузнецова (Громыко все еще находился на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке) поручили представить на следующий день окончательный вариант. В конце заседания Хрущев рекомендовал его участникам не разъезжаться по домам, а переночевать здесь, в Кремле:

– Иностранные корреспонденты, безусловно, следят за нашей реакцией на выступление Кеннеди. Так пусть у них не сложится впечатление, будто мы проводим время в ночных бдениях.

Сам он провел ту ночь на диване в небольшой комнате отдыха рядом со своим кабинетом{1260}.

На следующий день, 23 октября, подготовленный МИДом ответ был утвержден Президиумом ЦК и предан в печать, а В.В. Кузнецов принял американского посла Ф. Колера и вручил ему этот ответ. Он был выдержан в весьма резких выражениях и начисто отвергал все требования Кеннеди. Понимая, что за океаном следят за каждым их шагом, советские руководители вели себя внешне спокойно. Хрущев присутствовал на обеде в честь румынского лидера Г. Георгиу-Дежа, а вечером был с ним в Большом театре на опере «Борис Годунов»{1261}.

Было также решено опубликовать сообщение, что советское правительство заслушало в Кремле министра обороны Малиновского о проведенных мерах по повышению боеготовности в вооруженных силах СССР (задержать увольнение из советской армии старших возрастов, проходящих срочную службу в ракетных войсках стратегического назначения, в войсках противовоздушной обороны и в подводном флоте; прекратить отпуска всему личному составу; повысить боеготовность и бдительность во всех войсках){1262}, а также, что главным

объединенных вооруженных сил Организации Варшавского договора маршал А.А. Тречко созвал офицеров – представителей армий ОВД и дал указания о проведении ряда мер по повышению их боевой готовности{1263}.

В Москве и других городах СССР начались митинги протеста против морской блокады Кубы{1264}. В следующие три дня газеты публиковали фотографии участников этих митингов с плакатами «Руки прочь от Кубы!»{1265}. На одной из них, между прочим, ясно различимая озабоченность на лицах работниц Трехгорной мануфактуры{1266}. Поэт Е. Евтушенко написал и затем опубликовал в «Правде» стихотворное «Письмо Америке», в котором изрекались и такие сентенции: «Ты оскорбила не одних кубинцев, / показывая с чванностью на флот / Ты разные народы оскорбила, /ив том числе свой собственный народ»{1267}.

Поздно вечером 23 октября в советское посольство в Вашингтоне пришел «поговорить по душам» брат президента и министр юстиции Роберт Кеннеди. Разговор получился долгим и тяжелым. Посетитель сетовал на обман президента советским руководством, а посол Добрынин, не будучи ориентирован Москвой, даже не имел права признать наличие советских ракет на Кубе. Прощаясь, уже перед уходом, гость как бы мимоходом спросил, какие указания имеются у капитанов советских судов, идущих на Кубу. Посол ответил:

– Насколько мне известно, отданный ранее приказ не подчиняться незаконным требованиям об остановке и обыске в открытом море, как нарушающим международные нормы свободы судоходства, не отменен.

Р. Кеннеди, махнув рукой, сказал:

– Не знаю, чем все это кончится, ибо мы намерены останавливать ваши суда.

– Но это будет актом войны, – предупредил Добрынин. Ответа не последовало{1268}.

На тут же отправленную в Москву телеграмму с отчетом об этом визите никакой реакции не последовало. Отсутствие каких-либо указаний или хотя бы ориентировок из Москвы В.В. Кузнецов позже объяснял тем, что там царила растерянность, лишь прикрываемая бравыми публичными заявлениями Хрущева и составленными в таком же тоне первыми двумя его письмами к Кеннеди. Мало того, «с самого начала кризиса у советского руководства возник и с каждым часом нарастал страх перед возможным дальнейшим развитием событий»{1269}.

23-го же числа президент Кеннеди направил в Москву второе письмо, в котором выражал надежду, что Хрущев немедленно даст указание советским судам соблюдать условия объявленного им карантина. В МИД СССР этот текст был передан утром 24 октября{1270}.

А Хрущев продолжал появляться на публике. 24 октября он принял президента американской корпорации «Вестингауз электрик интернейшнл» В.Э. Нокса. Одновременно был опубликован и его ответ 89-летнему британскому философу Б. Расселу: «Мы сделаем все возможное, чтобы не допустить... катастрофы. Но надо иметь в виду, что наших усилий может оказаться недостаточно... Советское правительство считает, что правительство США должно проявить сдержанность и приостановить реализацию своих пиратских угроз, чреватых самыми серьезными последствиями»{1271}. 24 октября вся Америка следила за радио- и телевизионными сообщениями о том, как советский танкер, сопровождаемый американскими эсминцами и самолетами, приближался к черте, за которой он должен быть задержан, как он, не останавливаясь, пересек ее и направился в том же сопровождении дальше. В дальнейшем советские суда уже не испытывали судьбу и больше уже не приближались к линии карантина{1272}. Хрущев, не желая идти на дальнейший риск, отдал приказ советским судам остановиться на линии блокады, а некоторым даже повернуть назад. Исходил он при этом из двух соображений: нельзя было допускать того, чтобы военная техника на этих судах попала в руки американцев; и надо было послать им сигнал, что СССР не намерен идти на конфронтацию с США{1273}.

В послании же, отправленном к Кеннеди, он назвал действия США «чистейшим бандитизмом», «безумием выродившегося империализма», угрожал, что СССР не будет считаться с блокадой и сумеет защитить свои права. Решительно протестуя против блокады Кубы и других военных мероприятий США, советское руководство предложило немедленно созвать Совет безопасности ООН. Оно продолжало отрицать наличие наступательного оружия на Кубе, утверждая, что там находится только такое оружие, которое необходимо для самообороны{1274}.

Миротворческие усилия были предприняты и Организацией Объединенных Наций. 24 октября генеральный секретарь ООН У Тан предложил приостановить на две-три недели все перевозки оружия на Кубу и карантинные меры в отношении этих перевозок{1275}.

Утром 25 октября, получив ответ Кеннеди, Хрущев понял из него, что американский президент не отступит от требования «восстановить существовавшее ранее положение», и поручил готовить новое письмо, в коем допускалась бы возможность вывода ракет с Кубы или их уничтожения там при условии, что США возьмут два обязательства: не нападать на Кубу и удалить свои ракеты из Турции и Италии. Проект такого письма был подготовлен и представлен Хрущеву{1276}.

К концу дня 25 октября в Москву стали поступать сообщения по линии спецслужб, нагнавшие на Хрущева и его коллег еще больше страха. В одном из них, из Вашингтона, например, говорилось о случайно подслушанном разговоре двух известных американских журналистов, из которого явствовало, что в Белом доме уже принято решение о вторжении на Кубу «сегодня или завтра ночью»{1277}. Был перехвачен и текст переданного накануне приказа о переводе Стратегического воздушного командования США в полную боевую готовность, включая готовность к применению ядерного оружия{1278}.

Дал на это согласие Кеннеди. На заседании Совета безопасности ООН американский представитель Э. Стивенсон, зачитав ответ президента, приветствовал заявленное Хрущевым в ответе Б. Расселу стремление не допустить катастрофы, но подверг сомнению его утверждение о том, что на Кубе нет наступательного оружия. Советский представитель В.А. Зорин, как писали затем советские газеты, потребовал от него представить «неопровержимые факты». И тогда Стивенсон взял слово вторично, и «по его команде в зале выставили “фальшивки Центрального разведывательного управления США”», а сам он, «как попугай, по бумажке зачитал сфабрикованные американской разведкой пояснения». Зорин напомнил ему, что он уже демонстрировал в ООН «фотофальшивки», разоблаченные потом американской печатью{1279}.

– Какова же цена этим «фотографиям»? Кто раз соврал, в другой раз ему не поверят. Я был более высокого мнения о вас лично, но к сожалению я ошибался{1280}.

А Москва была охвачена тревогой и страхом. В Президиуме ЦК были готовы к тому, что роковое сообщение с Кубы может поступить в любую минуту. Поэтому, получив сообщение об очередной встрече Добрынина с Р. Кеннеди и убедившись, что действия американцев не являются блефом и что мир стоит на краю пропасти, Хрущев склонился к тому, чтобы ответить положительно, причем немедленно. Как выразился потом В.В. Кузнецов, Хрущев «наклат в штаны» и в первой половине дня 26 октября сам продиктовал «примирительное» письмо, в котором опускалось требование вывести американские войска из Турции и Италии.

– Главное, – сказал он, – это предотвратить вторжение на Кубу, а к Турции можно будет вернуться потом{1281}.

Сам Кузнецов во время одного из разговоров с Хрущевым выдвинул, правда в осторожной форме предложение противопоставить американскому нажиму в Карибском море давление на Западный Берлин. Хотя он и не уточнил, что имеет под этим в виду, реакция последовала довольно резкая, если даже не бурная.

– Обойдемся без такого рода советов, – на повышенных тонах заявил Хрущев. – Нам бы выпутаться из одной авантюры, а вы предлагаете влезть в другую{1282}.

Но кто был автором этой авантюры? Все знали, но помалкивали.

Около 5 часов пополудни 26 октября вернувшийся в Москву из Нью-Йорка Громыко препроводил американскому послу в Москве Ф. Колеру это «примирительное» послание, в котором впервые, хотя и несколько витиевато, но все же в достаточно ясной форме выражалась готовность уничтожить или удалить ракеты с Кубы, если американцы дадут заверения о ненападении на нее и отзовут флот. «Это сразу все изменит... Тогда будет стоять иначе и вопрос об уничтожении не только оружия, которое вы называете наступательным, но и всякого другого... Тогда и отпадет необходимость в пребывании на Кубе наших специалистов». Эти формулировки, при всей эмоциональности и сумбурности письма, вызвали в Белом доме вздох облегчения. Они вполне резонно были истолкованы так, что у Хрущева нервы не выдержали и он пошел на попятную. С точки зрения Корниенко, Рубикон был перейден: «Впереди оставался только торг о конкретных условиях вывода ракет»{1283}.

Между тем еще в середине дня на стол руководства МИДа поступило от советского посла в Вашингтоне сообщение о том, что решимость американской администрации «покончить с Кастро» вовсе не означает решение начать вторжение «сегодня-завтра». Но хотя информация, по словам Кузнецова, была воспринята с некоторым облегчением, передокладывать сейчас же ее Хрущеву с целью задержать его послание не стали. Ведь информация о приведении вооруженных сил США в состояние боевой готовности оставалась в силе и сохраняла свое зловещее значение{1284}.

В то же время, продолжая демонстрировать публичное спокойствие, вечером 26 октября Хрущев вместе с Брежневым, Козловым, Косыгиным, Полянским и Шверником присутствовал на концерте кубинского оркестра «Бокукос» в зале им. Чайковского{1285}.

В субботу утром 27 октября Хрущев направил Кеннеди еще одно послание. Он снова просил Кеннеди проявить сдержанность, ибо, «если разразится война, то остановить ее будет не в нашей власти». И уже не отрицал, что на Кубе имеются советские ракеты. Но раз уж они туда доставлены, полагал он, то и американская блокада не имеет смысла, тем более что они там находятся под контролем советских офицеров и не будут использованы для нападения на США. «В этом отношении вы можете быть спокойны. Мы находимся в здравом уме и прекрасно понимаем, что если нападём на вас, вы ответите нам тем же... Как же мы можем допустить, чтобы произошли те несуразные действия, которые вы нам приписываете? Только сумасшедшие могут так поступать или самоубийцы, желающие и сами погибнуть и весь мир перед тем уничтожить». Хрущев предлагал снять блокаду и дать обязательство не вторгаться на Кубу. В этом случае СССР заберет и уничтожит доставленное туда ракетное оружие. Он убеждал Кеннеди: «Мы с вами не должны Гтянуть за концы каната, на котором вы завязали узел войны, потому что, чем крепче мы будем тянуть, тем сильнее стянется узел, и придет время, когда узел будет так туго стянут, что даже тот, кто завязал его, не в силах будет развязать... Давайте не только перестанем тянуть за концы каната, но примем меры к тому, чтобы узел развязать. Мы к этому готовы»{1286}. Новым здесь было только пожелание того, что «США со своей стороны, учитывая беспокойство и озабоченность со стороны Советского государства, вывезут свои аналогичные средства из Турции». В конце послания содержалось предложение провести в течение 2-3 недель переговоры по всему комплексу возникших проблем{1287}. И, повторяем, чтобы не терять времени, Хрущев велел отправить это второе послание в Вашингтон открытым текстом по радио.

В ответном послании Хрущеву, озвученном в тот же день в Белом доме, признавая, что «события приблизились к такому положению, когда они могли выйти из-под контроля», Кеннеди приветствовал шаг советской стороны, назвав его «важным вкладом в дело обеспечения мира». Он заявлял о готовности США снять карантин и дать обещание не нападать на Кубу, если Советы под наблюдением ООН уберут наступательное оружие оттуда. И в любом случае он требовал немедленно прекратить все работы по установке там ракет{1288}.

Но в конце того же дня, 27 октября, Кеннеди принял два важных решения, о которых был осведомлен только узкий круг лиц. Первое – поручить брату Роберту достигнуть конфиденциальной договоренности (arrangement) о выводе ракет из Турции. Второе – поручить госсекретарю Д. Раску предпринять подготовительный шаг (на случай, если Москва не удовлетворится конфиденциальной договоренностью) открытой договоренности с помощью генерального секретаря ООН У Тана{1289}.

Однако вечером того же дня все могло провалиться в тартарары. Американский самолет-разведчик У-2 вторгся в воздушное пространство СССР в районе Чукотки. Как оказалось, это было сделано непреднамеренно – это знали в Вашингтоне, но не знали в Москве и вполне могли расценить как признак враждебных намерений. Узнав об этом инциденте, Макнамара побледнел как полотно и вскрикнул:

– Это означает войну!

Кеннеди, правда, проявил большее хладнокровие, сказав с досадой:

– Всегда найдется какой-нибудь сукин сын, до которого не дошло нужного слова{1290}.

Другой разведывательный самолет У-2, летевший на высоте свыше 20 километров, в 10 часов 21 минуту был сбит над Кубой{1291}. Известие об этом вызвало в Америке панику. Через южную границу в Мексику хлынула лавина беженцев: вереницы машин с прицепными

домиками нескончаемо вились по горным дорогам Техаса, Нью-Мексико, Аризоны и Калифорнии. Кляня на чем свет стоит как «вероломных русских», так и своих «балбесов из Вашингтона», люди бежали от, казалось бы, неминуемой ядерной смерти{1292}. А в Вашингтоне ошибочно предположили, что самолет сбит по приказу из Москвы. И не только военные, но и некоторые гражданские советники президента настоятельно рекомендовали «принять вызов» и разбомбить позиции ПВО на Кубе{1293}.

Дело действительно могло принять плохой оборот. Узнав о гибели американского летчика, Кеннеди приказал увеличить в несколько раз число самолетов, патрулировавших остров{1294}.

Суббота 27 октября была потом названа американцами «черной субботой». В беседе с Добрыниным поздно вечером Р. Кеннеди говорил:

– Кубинский кризис продолжает углубляться. Президент полон решимости избавиться от советских баз на Кубе – вплоть до их бомбардировки. Но вы, несомненно, ответите нам тем же где-то в Европе. Начнется самая настоящая война, в которой погибнут миллионы, прежде всего американцев и русских. Мы хотим избежать этого во что бы то ни стало. Однако промедление с нахождением выхода из кризиса связано с большим риском, тем более, что у нас много неразумных голов среди генералов (да и не только среди них), которые так и рвутся «подраться».

Подходящей базой для урегулирования всего кризиса, по его словам, могли бы явиться вчерашнее письмо Хрущева и сегодняшний ответ президента.

– Главное для нас – получить как можно скорее от вас согласие на прекращение работ по возведению ракетных баз на Кубе и на международный контроль над ними. В обмен американская администрация готова отменить карантин и дать заверения, что никакого вторжения на Кубу не будет.

– А как быть в отношении ваших баз в Турции? – спросил Добрынин.

– Президент не видит непреодолимых трудностей в решении и этого вопроса, – последовал четкий ответ. – Главная трудность для него – публичное обсуждение вопроса о Турции. Формально размещение ракет там было оформлено решением НАТО. Объявить сейчас в одностороннем порядке об их закрытии – значит ударить по позициям США, как лидера этого-союза, так и по всей его структуре. С учетом процедуры, существующей в нем, на это потребуется 4-5 месяцев. Однако публично говорить сейчас о таких намерениях президент пока не может{1295}.

Все это, конечно, не было обойдено вниманием в Москве.

Оба американских ответа – официальный (на письмо Хрущева от 26-го числа) и неофициальный (на письмо от 27-го) в Москве были получены уже утром 28 октября.

Президиум ЦК КПСС заседал в те дни непрерывно. Демонстрируя спокойность и размеренность жизни политической элиты, отсутствие какой-либо чрезвычайности и нервозности, утреннее заседание 28 октября было перенесено за город, в Ново-Огарево. Ведь это было воскресенье, и негоже было демонстрировать американским журналистам, что в Кремле окна светятся всю ночь и в выходные{1296}. На деле же все собравшиеся с самого начала находились в состоянии «достаточно высокой наэлектризованности». Высказывался практически один Хрущев, отдельные реплики подавали Микоян и Громыко. «Другие предпочитали помалкивать, как бы давая понять: сам нас втянул в эту историю, сам теперь и расхлебывай»{1297}.

В конце концов утром 28-го было принято окончательное решение: принять предложение Кеннеди. И Громыко, не дожидаясь даже, пока будет готов полный текст ответного послания, телеграфировал Добрынину с просьбой срочно связаться с Р. Кеннеди и передать ему следующий ответ Хрущева: «Соображения, которые Р. Кеннеди высказал по поручению президента, находят понимание в Москве. Сегодня же по радио будет дан ответ на послание президента от 27 октября, и этот ответ будет самый положительный. Главное, что беспокоит президента – а именно вопрос о демонтаже ракетных баз на Кубе под международным контролем, – не встречает возражений»{1298}. В Вашингтоне эта телеграмма была получена в 8 часов утра по местному времени или в 4 часа дня по московскому. Прочтя ее, Добрынин почувствовал большое облегчение: «Стало ясно, что наиболее критический момент

кризиса благополучно пройден. Можно было вздохнуть более спокойно».

– Это – большое облегчение, – непроизвольно вырвалось и у Р. Кеннеди{1299}.

Тем временем текст обещанного обращения Хрущева в большой спешке был направлен на радио (и в 17. 00 стал транслироваться) и одновременно в американское посольство{1300}.

В этом письме Хрущев заявлял: «Я отношусь с пониманием к вашей тревоге и тревоге народа США в связи с тем, что оружие, которое вы называете наступательным, действительно является грозным оружием. И вы, и мы понимаем, что это за оружие». И уж коль скоро США обещают не совершать нападения на Кубу, то и мотивы, побудившие СССР поставить Кубе новое оружие, отпадают. Поэтому советское правительство отдает распоряжение о демонтаже, упаковке и возвращении в СССР всего этого оружия{1301}.

Спешка была такая, что согласия кубинцев спросить не успели. Кастро узнал об этом не от самого Хрущева, а из передачи Московского радио и был страшно разгневан.

Итак, в воскресенье 28 октября самая острая стадия, самая опасная фаза кризиса завершилась. Вечером в этот день в Вашингтоне выступал симфонический оркестр Ленинградской филармонии под управлением Е.А. Мравинского. И работники советского посольства во главе с Добрыниным, как и кое-кто из их американских коллег – членов «пожарной команды по тушению кризиса», смогли уже позволить себе удовольствие присутствовать на этом концерте{1302}.

Окончательное урегулирование заняло еще 3-4 недели.

Мирному разрешению конфликта способствовало осознание сторонами тех катастрофических последствий, которыми он мог бы обернуться для каждой из них, если бы они вовремя не остановились. Как признавал позже американский министр обороны Р. Макнамара, несмотря на многократное преимущество США над СССР по числу стратегических ядерных боезарядов (примерно 5000 против 300, то есть 17 к 1), известный ядерный паритет между ними тогда уже существовал, и «одно понимание того, что, хотя, подобный удар и разрушит Советский Союз, но ведь десятки его ракет уцелеют и полетят на Соединенные Штаты, удержало нас даже от рассмотрения возможности ядерного нападения на СССР»{1303}.

И такого рода опасения не были беспочвенными. В ходе исследований, проведенных в 1980 г. под эгидой ООН, был смоделирован конфликт, в котором с обеих сторон против военных целей противникам ход было пущено 1700 ядерных зарядов, в результате немедленно погибли бы 400 тысяч человек военного персонала и 5-6 млн. человек гражданского населения. К тому же еще не менее 1 млн. человек были бы поражены радиацией. Может быть не с такой дотошностью, но о масштабах подобной катастрофы обе стороны определенное представление имели. Так что можно с достаточной уверенностью утверждать, что война в их планы не входила, но возможность атаки как последнего аргумента нельзя было отвергать.

В Советском Союзе тревожные настроения из-за угрозы ядерной войны не достигли таких масштабов, как в Соединенных Штатах. Наша общественность была в меньшей степени посвящена в курс событий.

Как показывают данные опроса, проведенного силами МПУ, о взаимных дипломатических обвинениях Москвы и Вашингтона осенью 1962 г. знали многие, но о причинах введения американцами морского карантина Кубы – всего-навсего 5% опрошенных в 1998 г. и 9% опрошенных в 1999 г.

Мог кое о чем догадываться И.Ф. Пыков, офицер-техник из военного гарнизона Кубинка-1, который еще до десанта на Плайя-Хирон готовил кубинских летчиков к боям, имея чехословацкий паспорт на имя Хуана Петелько{1304}. «Были утечки» (информации?), признавала К.М. Ежова, рабочая завода № 67 в Москве{1305}. Был в курсе событий офицер КГБ в ГДР А.И. Носков. Рабочему завода № 30 А.И. Кирьянову была известна и причина морской блокады Кубы – отказ Хрущева признать присутствие там советских ракет и убрать их оттуда. Знал все из радиопередач Би-Би-Си шофер МИДа Г.В. Алексеев. Инженер Ромненского машиностроительного завода Л.Ю. Бронштейн утверждает, будто знал, что из расположенной неподалеку ракетной базы много ракет было вывезено на Кубу. Офицеру инженерно-авиационной службы Северного флота А.Т. Щепкину было известно по слухам, что «СССР разместил на Кубе свои ракеты и что их обнаружил там американский самолет У-2». По

его мнению, Хрущев поступил не очень-то умно: с одной стороны, «мы показали силу», а с другой, – «своими действиями поставили мир на грань войны». Хотя очень мало было известно П.С. Окладникову, водителю из подмосковного города Железнодорожный, но все же он «слышал что-то о ракетах»{1306}. «Америка – великая страна, а мы у нее под носом поставили свои ракеты с атомными боезарядами», – говорил А.И. Митяев, инженер ОРГ «Алмаз» в Москве{1307}. «Не надо Хрущеву обострять отношения», – думал рабочий Загорского оптико-механического завода А.Г. Андриенко{1308}. Офицер ПВО Э.В. Живило остро ощущал полеты американских самолетов в советском воздушном пространстве и думал: «Если не пощекотать им селезенку, то нам еще хуже будет. Надеялись, что балансирование на грани удастся»{1309}.

Не одобряла помощь Кубе колхозница Н.Г. Краснощекова из деревни Ведянцы в Козловском районе Мордовии: «Зачем вводить туда ракеты? И вообще зачем тратить на эти ракеты и Кубу столько денег, когда деньги нужны на собственные нужды?»{1310}. «Виноват авантюрист Хрущев», – думал офицер М.Г. Филиппов из Ельца{1311}. Считала виноватым СССР его жена учительница В.В. Филиппова{1312}.

Не знали, в чем дело, не вникали в подробности или не обратили внимания соответственно 26,5 и 31% опрошенных.

Из газеты «Правда» черпал сведения о развитии событий А.Э. Шинкаренко, офицер из Семипалатинска-21 (ядерного испытательного полигона){1313}. «Мало об этом говорили, не освещали», – вспоминает М.Н. Лепинко, радиотехник из Военно-морской академии им. Крылова в Ленинграде{1314}. Знали только то, что сообщалось в газетах и по радио, секретарь сельского совета в Дубровицах под Подольском З. Н. Нифонтова, сигнальщица Н.А. Белая с железнодорожной станции Терны в Днепропетровской области, рабочая Звениговской районной типографии в Марийской АССР Ф.И. Артемьева, учительница московской средней школы № 53 Г.С. Лукашенко. Сетовал на скупость освещения событий, связанных с угрозой досмотра наших кораблей, идущих на Кубу, шофер Совмина РСФСР С.П. Воблов. Мало что было известно не только из политинформаций, но и от знакомых военных техслужащему обувной фабрики в поселке Северный Талдомского района Т.Е. Бухтеревой. «Простому народу не было ничего известно», – утверждала продавщица из поселка Октябрьский Люберецкого района Б.Н. Этина{1315}.

За газетой некогда было следить А.Н. Николаевской, медсестре из детских яслей Водздравотдела в Икше Дмитровского района{1316}. Не очень интересовалась этим В.Г. Тишкова из центральной научной библиотеки ВАСХНИЛ{1317}. Политикой не интересовалась московская домохозяйка А.А. Гумилевская{1318}.

Практически ничего не знала, но «болела за Кубу» и «политику правительства одобряла» продавщица из подмосковной Фирсановки Н.В. Овсянникова. Была возмущена тем, что «американцы обвиняют нас несправедливо», шлифовщица с завода «Фрезер» Н.В. Подколзина. Была довольна тем, что «Хрущев смог урезонить США», – нормировщица 22-й дистанции пути на железнодорожной станции Чаплыгин в Липецкой области А.А. Орлова. Была «довольна, что Хрущев не идет на поклон, защищает Кубу, не предает друзей», официантка одного из московских кафе Н.Н. Сныткова. М.И. Исковой, работавшей в в/ч Щелково-3, было известно только то, что «американцы всячески стараются задуть революцию на Кубе». Стюардессе международных линий Аэрофлота Л.В. Кузнецовой было известно, что «США хотят оккупировать Кубу». В «распространении американского, то есть капиталистического влияния на весь мир» видел первопричину кризиса сотрудник узла связи в Долинске на Сахалине В.А. Куприн. «Нам, военным, – вспоминал В.В. Деев, – представляли американцев как зверей». И тогда и сейчас виной всему был «американский фашизм, перенявший у Гитлера идею мирового господства», убежден военпред на Московском автозаводе им. Лихачева Е.Д. Монюшко. «Молодежь была на стороне Кубы и осуждала Америку», – свидетельствовала 18-летняя работница предприятия п/я 565 М.А. Харитонова. «Мы считали Кубу своей частью», – признавалась Г.В. Свердловва из Минска{1319}.

Не знали вообще о таком международном кризисе 8% опрошенных. Ничего не слышала З. Г. Евграфова, работница Измайловской прядельно-ткацкой фабрики в Москве{1320}. «Не слышали», – утверждает А.А. Гаранина из деревни Дерюзино (колхоз «Заря») около

Загорска{1321}, Жила «в глуши» колхозная доярка Р.А. Сиухина из села Димитрове в Новокузнецком районе Кемеровской области{1322}. «Не тем жили», по словам 24-летней медицинской сестры из Ярославля З. С. Сергачевой: «Внешние вопросы не очень интересовали, да и не разбиралась особо»{1323}.

Не помнят или помнят смутно еще 10 опрошенных.

Соответственно 38,5 и 52,5% опрошенных ощущали тогда, что мир находится на грани новой, третьей мировой войны.

Всегда «боялась войны с Америкой» К.С. Белкина, рабочая Долгопрудненского механического завода{1324}. Везде обсуждалась эта тема, вспоминал рабочий МЗМА С.И. Виктюк: «Все боялись, что США развяжут ядерный конфликт»{1325}. Боялись, что начнется война, но и испытывали гордость за помощь Кубе, по словам Н.П. Живулиной, учительницы из Можайска{1326}. Войны боялись и по словам рабочей Московского электрозавода им. Куйбышева Л.П. Агеевой, «но знали, что если она начнется, то американцам больше достанется»{1327}. Боялась, что «Америка пойдет на СССР войной», рабочая станции Черкизово Московской Окружной железной дороги А.С. Белякова{1328}. Слово «боялись» употребили еще 11 респондентов 1998 г.{1329}

«Всю ночь слушали радио», – вспоминает студентка Ярославского пединститута Р.Г. Мелихова, жених которой заканчивал тогда военное училище{1330}. «Все ждали: вот-вот война», – утверждает колхозный механизатор В.А. Егоров из села Мишенка в Гжатском районе Смоленской области{1331}.

«В вооруженных силах была объявлена боевая готовность», и В.И. Пастушков, офицер одной из частей береговой артиллерии Балтийского флота, понимал, что «мир на грани войны»{1332}. По тревоге подняли и посадили в танки (не на один день), а для поддержания боеготовности имитировали обстрел с вертолетов ту воинскую часть в ГДР, где тогда служил А.Г. Гришин{1333}. На космодроме Тюратам (Байконур), свидетельствовал офицер В.М. Мензульский, «объявили повышенную боевую готовность на “семерках” и подготовили ядерные боеголовки»{1334}. О том, что в военкоматах дежурили автобусы на случай мобилизации, а в совхозах и колхозах готовились неприкосновенные запасы питания и топлива, помнит зоотехник совхоза «Лермонтовский» в Пензенской области И.А. Емашов{1335}. Проводил занятия по защите от оружия массового поражения в Онуфриевской школе Истринского района военрук А.А. Рыбаков, во время Великой Отечественной войны служивший в химических войсках{1336}. Слесарю завода взрывчатых веществ в Краснозаводске запомнились учения «о ядерной опасности», т. е. по гражданской обороне. Лекции по защите от атомного оружия читались и на Томилинской птицефабрике{1337}.

«Сушили сухари, готовили бомбоубежище», – вспоминала инженер-строитель из Лыткарино Л. И. Олейник{1338}. «Думали, что завтра дадут автоматы и пойдем на войну», – вспоминал рязанский землеустроитель А.С. Косткин{1339}. Химик-технолог Л.В. Борзова с Красноярского машиностроительного завода (филиала КБ-1 Королева) вспоминает: «Была нервность, ведь были на грани войны. Слушали “Голос Америки” и узнавали о КБ-1 такие вещи, которые не знали даже мы, недавно там работавшие. А у нас было уже все для производства ракет. Ужесточили систему производства. Муж был военный: ждали аттестат»{1340}.

На Симферопольской трикотажной фабрике, вспоминала контролер Е.П. Петрушенко, женщины на работе говорили: «Пусть договариваются. Ну их в баню! Лишь бы войны не было»{1341}.

По словам московского инженера В.В. Мосолова, переживали и потому, что знали неводержанность Хрущева{1342}. «Нахальство и наглость Хрущева, натолкнувшись на стойкость Кеннеди, могли привести к ядерной войне», – полагал и сотрудник Внуковской таможни Ю.Н. Шубников{1343}.

Не ощущали такой угрозы соответственно 18 и 17,5% опрошенных.

«В то, что начнется война, никто не верил», – была убеждена нормировщица 22-й дистанции пути на станции Чаплыгин в Липецкой области А.А. Орлова. «Все это происходит слишком далеко», – полагал техник предприятия п/я 41 в Подольске А.Д. Арвачев, проживавший в селе Покровское. И потому ему казалось, что «на нас это не коснется».

Чувствовала «определенное напряжение», но не ощущала какой бы то ни было угрозы М.И. Гончарова из подмосковного поселка Костино. Была уверена, что войны не будет, колхозный бухгалтер З. А. Яненко из деревни Ключики в Спас-Деменском районе Смоленской области, ибо полагала, что «Хрущев пойдет на все, чтобы это было решено без кровопролития». Не ощущала и 47-летняя колхозница Е.А. Грибкова из деревни Городенки в Малоярославецком районе Калужской области и, может быть, поэтому была «за немедленную помощь Кубе»{1344}. «Мы верили в нашу военную мощь и потому считали, что все закончится благополучно», – говорил инженер МЭИ А.В. Митрофанов. «Абсолютно был убежден, что американцы не той породы вояки, чтобы воевать за капиталистическую идею, за барыш», инженер ЦАГИ в Жуковском Е.Н. Дубинин{1345}.

С удовлетворением восприняли, положительно расценили компромисс между Хрущевым и Кеннеди, позволивший двум сверхдержавам остановить эскалацию кризиса, соответственно 38,5 и 55,5% опрошенных.

«Компромисс между Хрущевым и Кеннеди все, в том числе и я, оценили положительно», – свидетельствовал офицер из Подмосковья И.В. Зотов. Чувство облегчения испытал рабочий завода текстильных машин в Климовске В.Ф. Поляков. С облегчением восприняла договоренность между Хрущевым и Кеннеди техник Томилинской птицефабрики А.М. Васильева и инженер Мосгорпроекта Л.А. Любешкина. «Хорошо, что все так закончилось», – говорил тракторист Р.В. Ванягин из совхоза «Коробовский» в Шатурском районе. «Возобладало благоразумие», – полагала учительница Т.П. Воронина из Константиновской школы в Загорском районе. Был рад, что нашли мирный выход, водитель из подмосковного города Железнодорожный П.С. Окладников. «Войны не хотел никто», – уверена рабочая Поронайского рыбокомбината на Сахалине Т.С. Зайцева{1346}.

Одобрила компромисс, хотя ей было «жаль, что не помогли Кубе», колхозница Е.А. Грибкова из деревни Городенки в Малоярославецком районе. Указывая наверх, она говорила: «Им там видней». Была рада, что «проучили американцев», продавщица из Фирсановки Н.В. Овсянникова. Радовалась, что «устрашили американцев и они испугались», московская домохозяйка (жена писателя) В.П. Стрековская{1347}.

«Хрущев проявил себя дипломатом», – хвалит его А.А. Табурина из Ивантеевки, работавшая медсестрой в институте им. Склифосовского{1348}. «Мы не хотели опять войны и на Хрущева надеялись, вот он и не подвел», – вспоминала А.Т. Столярова, прораб-строитель из Можайска{1349}. Восхищался Хрущевым офицер КГБ в ГДР А.И. Носков. Считала Хрущева молодцом работница жилищного управления в городе Лыткарино М.С. Ширкулова. «Хрущев молодец, не дал развязаться войне!» – говорил рабочий трамвайного депо им. Баумана В.А. Васильев. Отдавал должное Хрущеву и техник этого депо А.И. Харитонов: по его мнению, он «спас мир от катастрофы». В то, что «его действия спасли мир», верил и Е.В. Шишков, служивший тогда в армии. Преподаватель физики из Москвы Е.И. Прохорова заслугу Хрущева видела в том, что он «сумел США поставить на место, чего не сделал Ельцин во время Югославского кризиса». «Восхищались светлым умом Хрущева», – свидетельствовала санитарка из Овручской больницы в Белоруссии М.Ф. Сидорчук{1350}.

Сотрудник Внуковской таможни Ю.Н. Шубников, напротив, полагал, что никакой заслуги тут Хрущева не было: «Никиту в ЦК убедили, что СССР проиграет войну, что лучше мир»{1351}.

«Политическую мудрость проявили и Кеннеди и Хрущев» – считает М.А. Семенов, офицер из Раменского{1352}. «Умные мужики», – говорила о Хрущеве и Кеннеди А.Н. Николаевская, медсестра из детских яслей водздравотдела в Икше Дмитровского района{1353}. В.И. Пастушков, офицер одной из частей береговой артиллерии Балтийского флота, считал, что мир был сохранен благодаря Кеннеди, который оказался умнее Хрущева{1354}. Полностью отнесла заслуги в пользу Кеннеди М.Г. Никольская из поселка Икша в Дмитровском районе{1355}. Благодарен Кеннеди и Ануфриев Б. Г., строгальщик ВНИИ легких сплавов{1356}. Хорошее отношение к Кеннеди (в отличие от Хрущева) было у инженера ВЭТИ им. Кржижановского Л.П. Смирновой{1357}. Хорошее мнение о Кеннеди и мнение о Кубе как еще одном прихлебателе сложилось у учительницы биологии и химии В.В. Базаровой из города Таш-Кумыр в Киргизии{1358}.

Не одобрило компромисс от 1 до 1,5% опрошенных.

«Кризис должен был закончиться нашей победой», – хотел бы инженер Московского завода “Красный Октябрь” В.В. Токарев{1359}. «Можно было идти до конца», – считал Н.И. Юдашкин, рабочий завода «Серп и молот» в Москве, не веря, что США будут воевать{1360}. «США нахальны, и нужно было договориться иначе об обеспечении безопасности СССР, Кубы и США, а Хрущев уступил, и все покатилося к распаду СССР», – рассуждает Л.С. Найда, тогда работавший в одном из номерных НИИ МО СССР{1361}. Учителю из Реутово М.М. Панкратову казалось, что «вдоль наших границ у американцев есть все, чтобы напасть на нас». Поэтому он полагал, почему бы и нам не занять базы неподалеку от США? «Им нужно было не уступать». Вывоз советских ракет с Кубы, причем без каких-либо компенсаций показался слесарю завода ОКБ-2 О.В. Шефферу очень большой уступкой: «Хрущев показал свою слабость». «Мы могли тогда показать свою великую мощь», – чуть ли не с сожалением констатировал известный футболист-спартаковец Н.П. Симонян. «Мы считали, что Хрущев пошел на поводу у Америки», – делилась жена военного моряка А.П. Абрамова из Севастополя. Уступкой «с нечестивыми последствиями» назвал этот компромисс работник узла связи в Долинске на Сахалине В.А. Куприн. «Аферизм Хрущева закончился фактической капитуляцией и ухудшением отношений с Кастро», – таков был приговор бывшего военнослужащего, а после демобилизации – инженера Корневского завода строительных материалов в Люберецком районе И.И. Назарова{1362}.

Затрудились с ответом на этот вопрос 2-2,5% опрошенных.

Не коснулось, было не до того соответственно 4,5 и 2% опрошенных.

Хоть и много тогда об этом писали и говорили, «некогда было этим интересоваться» домохозяйке из Фирсановки С.Ф. Зубковой, находившейся на иждивении мужа-инвалида. «Слышал, но в подробности не вдавался» рабочий санатория ВМФ под Солнечногорском Б.С. Егоров. «Это для верхов!» – говорила сотрудница Библиотеки иностранной литературы Э.Д. Абазадзе. «Все эти события пролетели как-то стремительно, мы тогда не осознавали их значимость, – вспоминал водитель В.А. Кусайко из автоколонны 1763 в Ногинске, – и только потом поняли, на грани чего мы были»{1363}.

Плохо или ничего не знали об этом, не помнят, нет ответа или он не поддается адекватному толкованию у соответственно 23 и 17,5%.

Итак, около половины населения СССР, если верить данным этого опроса, ощущало тогда, что мир находится на грани новой, третьей мировой войны. Не ощущал такой угрозы лишь каждый шестой. Положительно расценили компромисс между Хрущевым и Кеннеди, позволивший двум сверхдержавам остановить эскалацию кризиса, почти половина опрошенных. Неодобрительно к нему отнеслись или сугубые патриоты с ярко выдержанным имперским мышлением, или те, кому застилала глаза ненависть к Хрущеву.